

Информация для цитирования:

Ожерельев К. А. Проект «Апостол» как испытание : образ Ирины Сушко в системе персонажей романа-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи» / К. А. Ожерельев, К. Г. Соколовский // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 244—263. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-244-263.

Ozherelyev, K. A., Sokolovsky, K. G. (2026). “Apostle” Project as a Trial: Character of Irina Sushko within System of Personae in V. F. Tendryakov's Novel-Essay “The Assault on Mirages”. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 244-263. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-244-263. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Проект «Апостол»
как испытание:
образ Ирины Сушко
в системе персонажей
романа-эссе В. Ф. Тендрякова
«Покушение на миражи»**

Ожерельев Константин Анатольевич

orcid.org/0009-0002-9077-8424

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой филологии,
журналистики и массовых
коммуникаций
ozhereljevc@yandex.ru

**Соколовский Константин
Геннадьевич^{1,2}**

orcid.org/0000-0001-5529-3865

кандидат юридических наук, доцент,

¹ аспирант кафедры филологии,
журналистики и массовых
коммуникаций;

² профессор кафедры
общеобразовательных дисциплин,
корреспондирующий автор
k_sokolovskiy@fastmail.com

¹ Омская гуманитарная академия
(Омск, Россия)

² Гуманитарно-техническая академия
(Кокшетау, Казахстан)

**“Apostle” Project as a Trial:
Character of Irina Sushko
within System of Personae
in V. F. Tendryakov's
Novel-Essay
“The Assault on Mirages”**

Konstantin A. Ozherelyev

orcid.org/0009-0002-9077-8424

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Philology,
Journalism and Mass Communications
ozhereljevc@yandex.ru

Konstantin G. Sokolovsky^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5529-3865

PhD in Law, Associate Professor,
¹ Post-graduate student, Department
of Philology, Journalism
and Mass Communications;
² Professor in the Department
of General subjects,
corresponding author
k_sokolovskiy@fastmail.com

¹ Omsk Humanitarian Academy
(Omsk, Russia)

² Humanitarian and technical academy
(Kokshetau, Kazakhstan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется образ Ирины Михайловны Сушко как одна из ключевых смысловых доминант для понимания философско-эстетической концепции романа-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи» (1982). Итоговый роман В. Ф. Тендрякова недостаточно изучен в аспекте системы персонажей и художественной характерологии. Анализируется структурообразующая роль персонажа в научно-фантастическом эксперименте, проводимом профессором Георгием Гребиним, по «удалению» Иисуса Христа из исторического процесса. Творческий генезис образа Ирины Сушко позволяет проследить, как в позднесоветской литературе осмыслились границы научного рационализма и его столкновение с этическими и религиозными ценностями. Показано, как через характер, поступки и внутренние противоречия Сушко раскрываются центральные проблемы романа-эссе, такие как соотношение нравственности и религии, моральная ответственность учёного, кризис идентичности советского интеллигента эпохи позднего социализма, а также эксперименты человека с киберразумом. Уделяется внимание внутренней динамике и полифоничности анализируемого образа. Новизна исследования заключается в том, что в работе выявлены мотивные (двойничество) и интертекстуальные параллели, связывающие героиню с «вечными» литературными образами и архетипическими фигурами: «флибустьерами» из стихотворения-песни П. Д. Когана, странником Агасфером, Марией Магдалиной, апостолом Фомой-Близнецом (Дидимом).

Ключевые слова:

В. Ф. Тендряков; философский роман-эссе; *Покушение на миражи*; архетип; библейский интертекст; шестидесятники; границы ответственности учёного; искусственный интеллект.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the character of Irina Mikhailovna Sushko as a pivotal semantic dominant essential for decoding the philosophical and aesthetic framework of V. F. Tendryakov's novel-essay "The Assault on Mirages" (1982). The author's final novel remains insufficiently explored in terms of its character system and artistic characterology. The paper analyzes the character's structuring function within the science-fictional experiment conducted by Professor Georgy Grebin, which aims to "excise" Jesus Christ from the historical process. The creative genesis of Irina Sushko's image provides a lens through which to trace how the boundaries of scientific rationalism and its collision with ethical and religious values were conceptualized in late-Soviet literature. It is demonstrated that through Sushko's personality, actions, and internal contradictions, the central problems of the novel-essay are revealed, including the relationship between morality and religion, the moral responsibility of the scientist, the identity crisis of the Soviet intellectual during the late socialism era, as well as human experiments with cyber-intelligence. Special attention is paid to the internal dynamics and polyphony of the character under analysis. The novelty of this research lies in identifying motivic (doubling) and intertextual parallels that link the heroine to "eternal" literary images and archetypal figures, such as the "filibusters" from P. D. Kogan's poem-song, the Wandering Jew (Ahasuerus), Mary Magdalene, and the Apostle Thomas the Twin (Didymus).

Key words:

V. F. Tendryakov; philosophical novel-essay; *The Assault on Mirages*; archetype; biblical intertext; the Sixties generation (shestidesyatniki); boundaries of a scientist's responsibility; artificial intelligence.

УДК 821.161.1Тендряков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-244-263

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Проект «Апостол» как испытание: образ Ирины Сушко в системе персонажей романа-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи»

© Ожерельев К. А., Соколовский К. Г., 2026

1. Введение = Introduction

Философский роман-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи» (1982) — одно из наиболее сложных и концептуально насыщенных произведений позднесоветской литературы, *tagnum opus* писателя, своего рода текст-завещание. Он является одним из наиболее интересных отечественных литературных прецедентов изображения «инверсивной» логики субъекта атеистического мировоззрения: если в послереволюционной прозе соцреализма и комсомольской поэзии нашел своё отражение жёсткий и неумолимый переход (по сути — ломка) от христианской морали к революционному светскому «гуманизму», то роман В. Ф. Тендрякова демонстрирует собой обратную тенденцию — мучительный возврат к религиозной этике через призму взгляда разуверившегося советского интеллектуала.

Проблема изучения итоговых произведений в современном литературоведении остаётся актуальной по причине того, что подобные тексты, с одной стороны, позволяют осуществить выход к целостному контексту творчества автора, представляя в сконцентрированном виде его концептуальные идеи вкупе с этико-эстетической «лабораторией писателя» (по П. Н. Медведеву), а с другой стороны, оттеняют роль и влияние «рубежных» произведений («завещаний») уже в структуре историко-литературного процесса определенной страны или целой эпохи.

В центре повествования — научно-фантастический эксперимент: группа учёных под руководством профессора Георгия Гребина, воспользовавшись способным моделировать прошлое суперкомпьютером, пытается виртуально «удалить» Иисуса Христа из исторического процесса, чтобы выяснить, способна ли нравственность существовать вне религиозного контекста. Ключевую роль в реализации этого замысла играет Ирина Михайловна Сушко — программист, фактически совершающая «убийство» Христа в компьютерной модели «Большого времени» (по М. М. Бахтину).

Однако значение данного персонажа выходит далеко за рамки функциональной роли сугубо «сюжетного» актанта романа. Через образные детали её характера, фиксацию поступков и внутренних противоречий автор поднимает важные этико-философские вопросы — от моральной ответственности учёного за результат исследования до кризиса идентичности советского интеллигента эпохи «развитого социализма», парадоксально родственного своему западному антагонисту, «одномерному человеку» — «Der eindimensionale Mensch» (в терминологии Г. Маркузе).

Малоисследованной стороной является и жанровая природа произведения: мы, вслед за В. Б. Петровым, используем, применимо к «Покушению на миражи», термин «роман-эссе» [Петров, 2018а], акцентируя внимание на том, что отличительными чертами жанровой поэтики подобной многослойной формы («средством синтеза эссеистического и романного») являются, по верному замечанию В. А. Пестерева, «перемонтажировка» сюжетных и стилевых линий художественного текста [Пестерев, 1999, с. 223], снятие чётких границ между «авторским словом» (по определению М. М. Бахтина) и «раскавыченной» цитатой из какого-либо знакового текста той или иной эпохи, установка на «художественную публицистичность». Так, например, в композиции «Покушения на миражи» В. Ф. Тендряков свободно сочетает (по принципу «монтажа — демонтажа») современность и сакральную историю человечества, включает в основную канву повествования прямые развёрнутые цитаты трудов историков, философов, деятелей культуры, исторических личностей и т. д., последовательно перемежает точки зрения повествователя (Гребина), некоего Мыслителя, которому доверяет наиболее важные свои размышления, и безымянного рассказчика пяти вставных новелл.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель работы — продемонстрировать особое место и роль образа Ирины Сушко в системе персонажей романа-эссе «Покушение на миражи», раскрыть его сложность и философскую глубину, выявить заключённые в нём имплицитные смыслы и определить его сюжетно-композиционную роль в художественной системе произведения. Кроме того, важно показать, как упомянутый персонаж становится «генератором» ключевых философских идей романа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1) выявить основные черты характера героини и способы их художественного воплощения;

2) проанализировать систему параллелей и противопоставлений, в которую включён персонаж (от мотива отчуждения вечного странника Агас-

фера и «горячей крови» романтиков-«флибустьеров» до неожиданного сближения с образами Марии Магдалины как первой свидетельницы Воскресения и Фомы-Близнеца (Дидима) как неверующего апостола);

3) определить структурообразующую роль Ирины Сушко в раскрытии центральной философской проблемы романа-эссе — соотношения нравственности и религии.

Рассматриваемая тема на современном этапе, помимо статей В. Б. Петрова, раскрывающих историсофские и аксиологические концепты поздней прозы В. Ф. Тендрякова [Петров, 2018а; Петров, 2018б], представлена лишь несколькими работами, посвящёнными параллелям романа-эссе с традициями философской прозы Ф. М. Достоевского [Габдуллина, 1997; Поддубная, 1993; Сухих, 2009], литературно-социологической [Shneidman, 1989] и общей проблематике [Барташевич, 1988; Шустер, 2008], контекстуальным связям произведения с евангельскими повествовательными приёмами [Супа, 2001].

Методологически исследование опирается на принципы историко-литературного [Лихачёв, 2015, с. 84—85], целостного [Гиршман, 1991, с. 13—55], контекстуального [Есин, 1999, с. 230—241], структурно-семиотического [Лотман, 1970, с. 343—359], интертекстуального [Фатеева, 2000, с. 50—90] анализа, а также на метод «близкого чтения» (т. н. «careful reading», в трактовке данного подхода А. А. Ричардсом) [Richards, 1959, р. 218]. Образ Ирины Сушко впервые подвергается системному анализу как смысловой (этико-философский) центр романа-эссе, позволяющий по-новому интерпретировать авторскую позицию относительно природы нравственности, исторической памяти и границ человеческого вмешательства в сакральное пространство. Подчеркивается, что, наряду с другими персонажами романа, он связан с мотивом двойничества, при котором у каждого из образов далёкого культурно-исторического прошлого в современности появляется свой гипотетический «двойник».

Подобные сопоставления при анализе образа героини позволяют глубже осмыслить эволюцию персонажа и показать авторский замысел: Сушко вместе с коллегами проходит путь от безоговорочной веры в научный прогресс и исполнения роли «кибернетического палача» — к первому осознанию неустранимости духовного измерения истории, символически выраженному в «незапланированном воскрешении» Христа в компьютерной модели.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Горячая кровь» и «река Истории»

Как отмечает В. В. Агеносов, важнейшей жанрообразующей доминантой философского романа является художественная экспликация «субстан-

циальной идеи» на всех уровнях художественного целого [Агеносов, 1988, с. 9]. Следовательно, в процессе исследования необходимо не только проанализировать сюжетные линии и композиционное построение произведения, но и тщательно изучить систему образов сквозь призму воплощения главной философской идеи. В свою очередь, А. Э. Еремеев подчёркивает первостепенное, объединяющее значение «рефлексивного авторского сознания (или повествующего субъекта)» для различных жанров философской прозы, утверждая вместе с тем, что она «предполагает не опосредованное картинами, изображением явлений воплощение саморазвития жизни, как в чисто художественной прозе, а прямое, концентрированное выражение смысла происходящего, совершающегося в процессе его добытия» [Еремеев, 1989, с. 18, 19].

Основная философская концепция многослойного романа-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи» неразрывно связана с общим замыслом автора, направленным на этико-философское осмысление нравственности как естественного, эволюционно развивающегося человеческого качества. Чтобы выяснить, способна ли нравственность («испокон веков на неё рассчитывали, к ней неистово призывали» [Тендряков, 1989, с. 4]) существовать обособленно от религии и действительно ли её истоки коренятся в религии, в романе-эссе предлагается своеобразный эксперимент: изъять фигуру Иисуса Христа из исторического процесса, совершить «убийство вопреки Истории» [Тендряков, 1989, с. 15]. Руководителем этого проекта, получившего «броское (но, однако, весьма условное) наименование “Апостол”» [Тендряков, 1989, с. 55], выступает главный герой произведения профессор Георгий Петрович Гребин. Его гипотеза отличается простотой: поскольку учение Христа представляет собой духовный источник нравственности в её современном понимании и европейского гуманизма в целом и, более того, — именно христианство впервые наиболее радикальным образом утвердило эти идеи, то, «устранив» Бога-Слово с исторической арены, а вслед за ним — Его Церковь и Учение, можно «уяснить границы влияния Христа» [Тендряков, 1989, с. 55] на человечество.

Команда Гребина невелика. Автор характеризует её строчкой из стихотворения-песни П. Д. Когана «Бригантина» (1937): «Флибустьеры и авантюристы по крови горячей и густой» [Тендряков, 1989, с. 60]. Выбор этой строки из одной из первых бардовских песен не случаен. Как вспоминал Ю. И. Визбор, который прославил «Бригантину» уже в 1960-е годы, песня Павла Когана стала символом новой дороги, отправления в путь, неизвестной пока, но уже ясно предчувствуемой радости [Симаков, 2007, с. 39]. Использование строки из «Бригантины» для описания команды профессора Гребина, несомненно, носит глубокий символический смысл. Авантюризм

(в романе-эссе проект «Апостол» В. Ф. Тендряков трижды именуется «авантюренным»), научный практицизм и жажда познания — вот ключевые черты собравшихся вокруг главного героя людей, полностью соответствующие духу «флибустьеров» из бардовской песни. Эти персонажи, подобно лирическим героям стихотворения П. Д. Когана, не мирятся с обыденностью: исследуя прошлое, они ищут новые пути развития человечества, бросают вызов устоявшимся догмам и идеям, осмеливаются противостоять божественному, хотя сами в него не верят. В. Ф. Тендряков как художник слова неизменно точен в характеристиках: он отчётливо осознавал, что «флибустьеры» — не только романтизированные образы, но и пираты, убийцы, контрабандисты, готовые добыть желаемое силой, не останавливаясь ни перед чем и совершая порочные, отвратительные с моральной точки зрения поступки. Это переключается с нравственно неоднозначной целью фантастического эксперимента гребинцев — «стиранием», «аннигиляцией» Иисуса Христа из человеческой истории.

Пафос такого дерзновенного познания, не заботящегося об этических ограничениях, был характерен для многих «шестидесятников» и ярко передан, например, в «Марше студентов-физиков» (1964) В. С. Высоцкого (а профессор Гребин и большинство его помощников — физики-«шестидесятники»): «Нам тайны нераскрытые раскрыть пора, / Лежат без пользы тайны, как в копилке / Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра, / На волгу пустим джинна из бутылки!» [Высоцкий, 2011, с. 55]. Ради научного знания решительные исследователи готовы не постоять за цену, не останавливаться ни перед чем, тем более ограничениями религиозного порядка. «Горячая кровь» персонажей в контексте романа символизирует не просто эмоциональность, а активную жизненную позицию и готовность рисковать ради своих целей. Однако у «горячей крови» есть и обратная сторона: словно оговариваясь, автор единожды называет гребинскую команду «террористической группой» [Тендряков, 1989, с. 87] — ведь они замыслили «пробиться в I век нашей эры, чтоб совершить там убийство, которого быть не должно» [Тендряков, 1989, с. 60].

Существенно для понимания системы персонажей в «Покушении на миражи» и то, что естественная среда обитания флибустьеров — вода: океан и его безбрежные просторы. Гребинские же «флибустьеры» — люди сухопутные, даже кабинетные. Но арена их действий метафорически параллельна морской: это эволюция человечества, которую В. Ф. Тендряков определяет как «поток рода людского, именуемый Историей» [Тендряков, 1989, с. 3]. Именно на этой «реке Прошлого» [Тендряков, 1989, с. 4] команда Гребина в своей виртуальной модели мира проводит дерзновенную операцию, стоящую вне моральных координат, — «убивает» Иисуса

Христа. Роль кибернетического палача при этом исполняет конкретный участник группы — программист Ирина Михайловна Сушко.

3.2. Парадоксы личности: между научным рационализмом и нравственным поиском

История знакомства Ирины Сушко с Гребиним берёт начало в её студенческие годы. В тот период профессор искал талантливого программиста: бурное развитие компьютерной техники открывало новые горизонты в области обработки данных, стимулировало прогресс методов компьютерного моделирования и прогнозирования. Именно под руководством Гребина Ирина работала над дипломным проектом, а итогом их совместной работы стало подтверждение несостоятельности одной из теорий профессора. «Мы с ней прекрасно сработались, — вспоминает Гребин, — совместно получили убедительное доказательство, что моя идея, вне всякого сомнения сумасшедшая, ничего не имеет общего с реальной действительностью. Для меня — неудача, если не конфуз, для Ирины — содержательная дипломная работа. Ей пророчили большое будущее» [Тендряков, 1989, с. 34].

После получения диплома физик Сушко приняла решение сменить профессиональное направление и обратилась к экономике: казалось, во всём виноват «скачущий характер, подстёгнутый самомнением» [Тендряков, 1989, с. 35], однако истинная причина, как оказалось, глубже. Экономика прежде всего изучает деньги и, как следствие, стоимость интеллектуального и профессионального труда. Именно здесь Ирина — достойный ученик Гребина! — надеялась отыскать объективные законы справедливости: «...На исхоженном вдоль и поперёк континенте Экономики должны быть тайные тропы, ведущие под неприступные стены Нравственности» [Тендряков, 1989, с. 36]. По-видимому, это и был главный научный «мираж» Сушко (притом, что у каждого из героев романа есть свои личные «миражи» [Барташевич, 1988, с. 198]), поиску которого она посвятит всю жизнь. В этом смысле она полностью соответствовала «флибустьерским» критериям и стала первой, кого профессор пригласил в свою команду. Однако попадание в проект «Апостол» обусловлено не только личностными стремлениями и «миражами» Сушко, созвучными этико-религиозным поискам Гребина, но и её редкой по тем временам специальностью программиста-кибернетика. Именно она позволяла оцифровать «участок прошлого, на котором действует какая-нибудь историческая личность» [Тендряков, 1989, с. 31], и создать перфокарточный промпт для суперкомпьютера ЕС-1065, которому предстояло выяснить последствия для человечества «удаления» фигуры Иисуса Христа из истории.

Образ Ирины Сушко воплощает типичные черты советского научного интеллигента эпохи позднего социализма — времени, когда сформировал-

ся особый тип духовной и профессиональной идентичности, уникальное социально-культурное явление, достигшее пика развития и одновременно переживавшее внутренний кризис. Несмотря на сохранение высокого статуса учёного и инженера в 1970-е годы, исследовательская инициатива всё чаще упиралась в бюрократические барьеры, а стратегические решения принимались без участия научных коллективов: государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь НИИ и академгородков, но и не допускало представителей научной среды к управлению. Старшее поколение занималось исследовательскими темами, нередко не имеющими отношения к профессиональной деятельности (достаточно вспомнить, с каким безразличием директор института относился к далёким от физики экспериментам Гребина, к участию в которых в рабочее время профессор привлёк и производственные мощности, и молодых сотрудников [Тендряков, 1989, с. 188—189]). Младшее поколение носило характерные «вытянутые» водолазки и способствовало расцвету неформальных интеллектуальных сообществ, диссидентских кухонных дискуссий, подпольных магнитофонных записей, самиздата и авторской песни. Развитие таких неофициальных каналов обмена идеями породило альтернативное интеллектуальное пространство («альтернативный культурный механизм», по определению О. М. Розенблюм), где складывались новые формы самосознания и личной ответственности.

Примечательно в связи с этим, что подопечные Гребина непрерывно упражняются в спорах по самым разным поводам, особенно на философские темы. При этом краеугольная проблема поиска истоков нравственности («можно ли создать идеально справедливое общество, какова роль личности в истории и может ли человек волевым импульсом изменить жизнь?») [Сухих, 2009, с. 231]) фактически подменяет для них традиционные для российской интеллигенции многовековые духовно-религиозные искания. В 1970-х годах в СССР подобные поиски замещались либо суррогатом восточных практик (В. Ф. Тендряков тонко маркирует узнаваемые признаки эпохи, мимоходом отмечая, что один из «флибустьеров», Миша Дедушка, не только «мастер спорта по шахматам», но и имеет «первый разряд по каратэ — ребром ладони разбивает кирпичи, <...> кипуче деятелен — ведёт секцию каратистов» [Тендряков, 1989, с. 58]), либо крайним атеизмом, граничащим не столько с отрицанием веры, сколько с полным безразличием к религии — именно такова позиция Ирины Сушко. Она олицетворяет новое поколение учёных, сформировавшихся на стыке эпох — между верой в безграничные возможности научного прогресса и первыми осознаниями нравственных последствий его применения. Именно через Ирину В. Ф. Тендряков раскрывает образ молодых исследовате-

лей, готовых к рискованным экспериментам с историей и к безнравственным поискам Нравственности через опыты с сакральным.

Безусловно, Ирина Сушко — не просто один из ключевых членов «флибустьеров» (программист-палач), но, пожалуй, главный персонаж, посредством которого В. Ф. Тендряков ставит важнейшую проблему моральной ответственности науки и границ научного эксперимента, а в сфере гуманитарного знания — ещё и вопрос пределов человеческого вмешательства в историческое бытие и религиозную традицию.

Сушко блестяще знает кибернетику, отличается аналитическим складом ума, уверенно оперирует современными технологиями и методами обработки информации, её мышление логично и точно, а решения рациональны. При этом автор подчёркивает и противоречивость её натуры. Вера в Гребина как наставника, готовность следовать его идеям без критического осмысления трансформируют Ирину из самостоятельного исследователя в исполнителя чужой воли. Эта черта высвечивает моральную проблему зависимости молодого учёного от авторитета, когда личная ответственность подменяется доверием к опыту старшего коллеги. В сложных научных ситуациях Ирина нередко занимает индифферентную позицию, уклоняясь от морального выбора: «Я штурвальный, Георгий Петрович, а вы капитан, путь вы прокладываете» [Тендряков, 1989, с. 118].

Эмоциональная преданность делу и наставнику становится для героини одновременно источником силы и слабости. Она искренне верит в правоту научного поиска, в возможность познать и преобразовать историю средствами разума и технологий, однако эта вера ослепляет её перед лицом нравственных последствий собственных действий, что делает её образ особенно выразительным в контексте одной из ключевых тем романа-эссе — столкновения рационального знания с этической ответственностью. Причиной подобной безусловной веры в Гребина могло стать и романтическое чувство Ирины к своему руководителю, зародившееся ещё в студенческие годы. В этом она признаётся прямо и по существу: «Не кинулась вам на шею, не вцепилась в вас мёртвой хваткой. Я и тогда уже была с характером — добилась бы, не устояли бы» [Тендряков, 1989, с. 77].

В. Ф. Тендряков, вопреки складывающемуся у читателя впечатлению о Сушко (фамилия — важнейший элемент художественной антропониимики и средство «идентификации персонажа» [Исакова, 2011] — словно бы намекает на сухость, картезианский ум, безэмоциональность, бесстрастность, недружелюбность, закрытость) как компьютерной затворнице, погружённой в мир кода и перфокарт, технической перфекционистке, создаёт своеобразный, но притягательный образ молодой женщины, фрагментарно рассыпанный по страницам произведения.

Автор, используя повествовательную оптику своего идейного *alter ego* Гребина [Барташевич, 1988, с. 199], несомненно, любит героиню, её незаурядным зрелым шармом: «миловидно носатенькая, но с густыми, суровыми, недевическими бровями» [Тендряков, 1989, с. 35]; «несколько угловатая, не очень-то придирчиво следящая за собой женщина, однако по-своему привлекательная, пожалуй, даже красивая — с тёмным загадочным взглядом из-под пугающе густых бровей» [Тендряков, 1989, с. 36]; «на скулах проступал исподволь лёгонький румянец»; «порывисто встала, подошла к окну, долго стояла ко мне спиной, напряжённо вытянутая, осино-тонкая в талии» [Тендряков, 1989, с. 37]; «требовательно блестящими глазами»; «норовисто дёрнула головой» [Тендряков, 1989, с. 38]; «длинные жёсткие ресницы» [Тендряков, 1989, с. 51]; «мокрые от случайного дождя кудри, взметнувшиеся брови, сверкнувшая улыбочка»; «нога на ногу, сапожок с высоким каблуком покачивается над полом, тёмный глухой свитер обтягивает грудь, тонкая рука с сигаретой на отлёте и капризные женственные губы»; «жёсткие локоны, вздёрнутая бровь»; «горела в румянце, сияла глазами и залиvisto смеялась»; «установилась на меня провално тёмными глазами» [Тендряков, 1989, с. 106]. Ирина разведена и состоит во втором браке с высокопоставленным чиновником, который значительно старше её; у его дочери уже есть собственный ребёнок. Такой образ Сушко отсылает к стилю «независимых женщин» в СССР 1970-х годов, впервые печатно заявивших о своём праве на творческую и, в целом, жизненную свободу, «не поверхностную, а истинную эмансипацию» в знаменитом самиздатском журнале «Женщина и Россия» (1979) [Женщина и Россия..., 1979, с. 12].

Ирина постоянно обозначает перед окружающими личные границы; резкость её поведения, за которой скрывается стремление защититься внешней грубостью, осознанная. В дискуссиях с коллегами она обычно психологически давит на собеседников, для чего охотно придумывает прозвища: Мишу Дедушку она именует «Манилушкой», а более молодого Толю Зыбкова — «сурочком», «мальчиком», но при этом умело выстраивает аргументацию, подмечает ошибки оппонентов и без труда перехватывает инициативу в диспуте. Даже опытный дебатёр Михаил, придя на очередную «флибустьерскую» встречу со своей девушкой Настей, остерегается лишний раз вступать с Ириной в спор, дабы не оказаться публично осрамлённым: Сушко способна и «припечатать».

В образе Ирины Сушко В. Ф. Тендряков выстраивает сложное переплетение научного рационализма и человеческих эмоций, что придаёт героине многогранность и противоречивость: она «состояла из несовместимых противоречий: надменно-самолюбива и в то же время пристрастно к себе

недоверчива, порывиста и крайне осторожна <...> страстная убеждённая у неё могла внезапно смениться горячим отрицанием, упрямство — раскаянием» [Тендряков, 1989, с. 35]. Миша Дедушка прозвал её «бешеной антилопой», к которой не стоит «лезть на рога» [Тендряков, 1989, с. 219].

В русле контекстуальных связей романа-эссе В. Ф. Тендрякова (на идейно-тематическом уровне) с отечественной словесностью XX столетия выстраивается параллель с публицистикой и литературной критикой И. А. Бунина. Так, первый русский нобелит по литературе в «Освобождении Толстого» (1937), размышляя о причинах неверия русского классика, высказал глубокую мысль: «В силу своего гения он хочет и должен верить, но органа, которым верят, ему не дано» [Бунин, 1967, с. 83]. Эта фраза в полной мере применима и к Ирине Сушко. Если у гребинцев преобладает всё же неверие, то у неё — полное отсутствие веры как таковой. Дело не в том, что «математик Ирина Сушко слабо сведуща в Новом Завете» [Тендряков, 1989, с. 101], а в том, что вера воспринимается ею как неизбежный атавизм — возможно, даже постыдный, — не имеющий для учёного 1970-х годов ни практической ценности, ни профессионального смысла. В её случае уместнее говорить не об атеизме, а именно об отсутствии веры, сродни «диагнозу», поставленному Буниным Толстому.

Потому Сушко без малейших сомнений, прагматично и рационально, не испытывая нравственных колебаний, исключает Христа из исторического процесса. Профессионал-программист, она воспринимает Бога-Слово лишь как набор перфокарт — «стопку тонких картонок, испещрённых дырочками» [Тендряков, 1989, с. 73], не более. Виртуальное убийство становится для неё рядовой, хотя и увлекательной рабочей задачей.

В контексте русской классической литературной и этико-философской традиций уместно вспомнить одну из важных лирических максим М. Ю. Лермонтова: «...Храм оставленный — всё храм, / Кумир поверженный — всё Бог!» («Расстались мы, но твой портрет...», 1837) [Лермонтов, 1986, с. 49]. В этих строках заключён глубокий нравственный императив: ценность прошлого остаётся неизменной, даже если оно утрачено, забыто, разрушено. Посредством метафор храма и кумира лирический субъект поэзии Лермонтова подчёркивает: истинные чувства и память о них вечны, как вечны святость и божественность; они не зависят от времени и обстоятельств, сохраняя силу в глубине человеческого сердца. Заметим, что в лирике русских романтиков и особенно славянофилов (А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др.) природный универсум, как и человеческий микрокосм, неоднократно воплощались именно в образе храма, «...где происходит молитвенное служение всего сотворенного Бога...» [Косяков, 2007, с. 148].

Для Сушко проект «Апостол» означает прямо противоположное: оставленный храм — уже не храм, а забытый Бог попросту исчезает из её системы ценностных координат. В. Ф. Тендряков, сам ищущий атеист, наблюдает за действиями своей героини с оттенком восторга, но одновременно и с явной тревогой и настороженностью. Он отмечает будничность и мастерство, с которыми Ирина совершает задуманное: «...Акт уничтожения Христа <...> собственно, его совершила одна Ирина — просто стёрла из программы “Апостол” воплощённый в символы образ Христа, пришла к нам, села нога на ногу, закурила сигарету и, шурясь сквозь дым, сообщила: “Всё готово. Завтра запускаю”» [Тендряков, 1989, с. 81]. Суть и чудовищность произошедшего раскрываются для читателя именно через обыденность поведения Ирины: совершив виртуальное христубийство, она входит в комнату Гребина, непринуждённо устраивается на стуле и затягивается сигаретой. Именно посредством таких рутинных деталей автору удаётся подчеркнуть, что случившееся для героини — рядовое событие, в котором нет ничего экстраординарного.

3.3. Механистическая функция и воскресение смысла: роль библейского интертекста в структуре образа героини

Вероятно, подобная патологическая одержимость героини вполне объясняет оговорку Георгия Гребина о том, что у Ирины Сушко не простой взгляд, а взгляд «агасферовских глаз» [Тендряков, 1989, с. 54]. Почему В. Ф. Тендряков использует именно эту метафорическую характеристику?

Одной из наиболее распространённых легенд, лёгших в основу множества литературных произведений, стала история об Агасфере, персонаже средневековых преданий, обречённом на бесконечную жизнь за то, что он отказал Спасителю в отдыхе, когда Тот нёс Свой крест на Голгофу. Художественных осмыслений этого образа существует множество, и В. Ф. Тендрякову они были, несомненно, знакомы. Так, в литературной традиции образ Агасфера чаще всего раскрывается через призму отчуждения и изнуряющей вечности: в числе прочего, бессмертие становится для него лишь механически исполняемой функцией без внутреннего содержания. Таков, например, Агасфер у немецких романтиков [Наумова, 2017, с. 110], в романе Э. Сю «Агасфер» (1845), в итоговой поэме В. А. Жуковского «Агасфер, или Странствующий жид» (1852), а также в одноимённых произведениях Р. Акутагавы (1917) и Вс. Вяч. Иванова (1956). Подобно «Вечному Жиду», который живёт так долго и так отчаянно, что уже не задумывается о смысле и значимости этого процесса, Сушко механически исполняет возложенную на неё функцию: «Георгий Петрович, вы отслужили свою мессу в этом храме, больше в нём вам делать нечего. Будете только мешаться у меня под ногами. Сама без вас со всем справлюсь» [Тендряков, 1989, с. 54]. И далее

Сушко-программист не размышляет о религиозно-этической стороне своей работы: как и Агасфер, Ирина действует монотонно и формально, без постижения подлинного смысла происходящего.

Кроме того, в литературной традиции Агасфер нередко выступает в роли антагониста Христа. По мнению ряда исследователей, именно так выстраивал систему образов А. С. Пушкин в незавершённой поэме «Агасфер» («В еврейской хижине лампада...», 1826) [Никольский, 2017, с. 61]. Совершая «убийство» Христа и вмешиваясь в естественное течение «потока рода людского, именуемого Историей», Сушко словно становится антиподом Спасителя и тем самым повторяет судьбу Агасфера.

Существенно и то, что Агасфер — это человек, который видел Христа, но не понял Его, оказался рядом с Чудом, но выбрал жестокость и равнодушие. Сушко тоже находится «рядом» с Тем, кто олицетворяет идеал высшего добра, ту самую Нравственность, поиску которой она посвятила свою жизнь, однако из-за отсутствия веры не может её уразуметь и обрести, не ведая, что творит, убивает её Носителя. Это превращает Ирину не в демонического злодея, а в подлинно агасферовского персонажа: не сверхъестественного, а человеческого, но — «страшно человеческого»: слабого, упрямого, ослеплённого.

В романе-эссе В. Ф. Тендрякова программа «воскрешает» стёртого грешниками «флибустьерами» Христа, не принимая предложенной альтернативы — Савла — и отказываясь моделировать человеческую историю без Него. Ирина, выступая в роли жрицы-«пифии» суперкомпьютера ЕС-1065, первой узнаёт об этом и сообщает новость коллегам: «Ирина Сушко для нас исполняла сейчас роль Марии Магдалины» [Тендряков, 1989, с. 114]. В романе она названа этим именем трижды. Авторская метафора прозрачна: именно Мария Магдалина, согласно евангельскому повествованию, первой узнала о Воскресении и возвестила о нём апостолам, поэтому в патристической традиции она известна как «апостол для апостолов», *Apostola apostolorum* [Jóźwiak, 2024, p. 872]. Отметим, что проект Георгия Гребина в «Покушении на миражи» назван «Апостолом» явно не случайно. Собственно евангельский подтекст обнаруживается не только в том, что весть о воскресении Христа приносит именно Сушко, травестийно воспроизводя пасхальный тропарь: «Чепе, Георгий Петрович!.. Явился Христос... Ах да, мы его убили!.. Ну так он восстал из мёртвых. Докладываю официально: Иисус Христос воскрес, смертью смерть поправ» [Тендряков, 1989, с. 113—114]. Она, подобно Марии Магдалине, воплощает тип человека, преданного своей миссии. Евангельская Магдалина — свидетельница крестных страданий, погребения и Воскресения; христианская традиция видит в ней самую верную ученицу. В романе-эссе эта верность

своеобразно переосмыслена как преданность научному проекту, Гребину и «флибустьерам»: Сушко осознаёт свою особую роль и идёт до конца. За это она получает исключительную награду — не просто первой узнаёт шокирующую новость, но и Весть, способную перевернуть всю жизнь. «Уж не достигли ли мы конечной истины?» [Тендряков, 1989, с. 151], — задаётся Сушко вопросом, в ответ на который ей не хочется верить. «Поверь в такое — и надо вешаться» [Тендряков, 1989, с. 152], — хватается кибернетик за последнюю соломинку.

Отказываясь принять случившееся, Ирина Сушко вновь и вновь перепроверяет расчёты в поисках математической погрешности. «Отнюдь не экзальтированная, никак не идеалистка, но по-своему одержимая Ирина несколько дней гоняла машину, ловя её на ошибке» [Тендряков, 1989, с. 115]. Для неё как учёного-кибернетика принципиально важно, что суперкомпьютер не был знаком с евангельской историей, а значит, виртуальное воскрешение оказалось не одним из заранее предусмотренных сценариев разрабатываемой модели, а неизбежным — объективным! — событием в логике человеческой истории. «Машина ничего знать не знала о легенде (имеется в виду Воскресение. — *К. О., К. С.*), она её вновь сотворила» [Тендряков, 1989, с. 115]. Здесь повествовательная линия «Покушения на миражи» перекликается с известным эпизодом из Евангелия от Иоанна — встречей Воскресшего Христа с учениками. Неверие Ирины Сушко и её настойчивые попытки обнаружить программную ошибку — единственную опору её картины мира — напоминают сомнения Фомы-Близнеца (Дидима). Тот, зная, что Бог «творит всё, что хочет», (Пс. 113:1) и слыша свидетельства других учеников (Ин. 20:25), не мог постичь правды. Лишь призыв Иисуса к Фоме: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в рёбра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27) [Библия..., 2000] — заставил его осознать факт Воскресения.

Не нашедшая аппаратного сбоя, Сушко в полной мере, хотя и против своей воли, стала «новоявленной Магдалиной» [Тендряков, 1989, с. 115]. В традиционном толковании образ Марии Магдалины предстаёт как история духовного преображения: от одержимой бесами (по Евангелию от Луки) или грешницы (в католической интерпретации) — к святости. В судьбе Ирины Сушко прослеживается схожий путь внутреннего переворота: прежние черты (язвительность, снобизм, высокомерие, самонадеянность) постепенно сменяются неуверенностью и растерянностью. Эти перемены, вероятно, положат начало её личному поиску жизненных ориентиров.

В книгах Нового завета Мария Магдалина упоминается исключительно как женщина, из которой Иисус Христос изгнал семь бесов (Лк. 8:2) и

которая была свидетельницей Распятия и Первого Воскресения [Библия..., 2000]. Однако В. Ф. Тендрякову, по всей видимости, было знакомо и сложившееся в католической традиции поздней Античности и Средневековья представление о том, что до встречи с Христом она якобы вела падший образ жизни [Isbouts, 2025]. Автор неявно вводит этот устоявшийся типаж на страницы романа-эссе: отдельные черты поведения и характера Ирины Сушко, о которых говорилось выше, отчётливо отсылают к образу блудницы, ещё сильнее усиливая параллель с Марией Магдалиной.

Стоит конспективно отметить и тот факт, что большая часть исследовательской команды Гребина также имеет свои персонажные пары двойников в аспекте священной истории человечества и целой галереи «вечных образов». Например, Георгий Гребин (как и его ученица) — это одновременно сомневающийся во всём апостол Фома и постепенно перерождающийся из Савла Павел; Миша Дедушка — христологическая фигура, добрый и чуткий «евангельский» герой (почти «добрый самаритянин» из притчи Христа), всегда готовый помочь; Анатолий — отдаленно напоминает вечно сомневающегося и колеблющегося Понтия Пилата: в пользу последней аналогии говорит как антропонимическая характеристика (у Анатолия «нечёткая», «расплывчатая» фамилия — *Зыбков*), так и то, что в тексте романа-эссе единожды упоминается о его «прокурорских (явно созвучных «прокураторским». — *К. О., К. С.*) обязанностях» на «флибустьерском судилище»; Всеволод Гребин — хрестоматийный «блудный сын».

4. Заключение = Conclusions

Итак, образ Ирины Сушко в романе-эссе В. Ф. Тендрякова «Покушение на миражи» выполняет не только сюжетно-функциональную, но и концептуально-структурообразующую роль, героиня является этико-философским центром произведения. Через неё автор ставит центральные вопросы о существовании нравственности вне религии и границе моральной ответственности учёного, тем самым деконструируя иллюзию «нейтральной» науки, поскольку попытка рационального «усекновения» сакрального обращается для программиста-прагматика столкновением с неустранимостью духовного измерения истории.

Сушко воплощает тип сильного, умного, высокопрофессионального позднесоветского научного интеллигента, пребывающего в кризисе эпохи застоя, а синтез интертекстуальных параллелей (флибустьеры, Агасфер, Мария Магдалина, апостол Фома-Близнец) придаёт образу глубину и полифоничность, превращая частный персонаж в одну из смысловых доминант всего произведения, важнейший «ключ» к осмыслению авторского взгляда на нравственность и историческую память.

Невольное превращение Сушко из палача-кибернетика команды проекта «Апостол» в растерянную свидетельницу виртуального «воскресения» Христа, а значит, и неустранимости духовного измерения истории, символизирует невозможность вычеркнуть религиозно-нравственные основания человеческого бытия даже на уровне модели, а если шире — то несостоятельность идеи абсолютного рационализма вообще.

Результаты исследования расширяют представление о жанровой природе философского романа-эссе и позволяют по-новому оценить вклад В. Ф. Тендрякова в осмысление границ духовных истоков нравственности, природы исторической памяти, ответственности учёного за последствия своих экспериментов, а также предостережения относительно рискованных манипуляций человека с искусственным интеллектом, моделирующим реальность.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Библия* : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Российское Библейское Общество, 2000. — 1338 с. — ISBN 5-85524-028-2.
2. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в девяти томах / И. А. Бунин ; Под общ. ред. А. С. Мясникова. — Москва : Художественная литература, 1967. — Т. 9. — 622 с.
3. *Высоцкий В. С.* Собрание сочинений в одном томе / В. С. Высоцкий. — Москва : Альфа-книга, 2011. — 813 с. — ISBN 978-5-9922-0733-0.
4. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений в четырёх томах / М. Ю. Лермонтов ; Под общ. ред. Г. П. Макогоненко. — Москва : Правда, 1986. — Т. 1. — 382 с.
5. *Тендряков В. Ф.* Покушение на миражи : Роман / В. Ф. Тендряков. — Москва : Современник, 1989. — 220 с. — ISBN 5-270-00069-3.

Литература

1. *Агеносов В. В.* Советский философский роман : Генезис. Проблематика и типология : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.02 / В. В. Агеносов. — Москва, 1988. — 32 с.
2. *Барташевич Л.* Миражи и действительность / Л. Барташевич // Октябрь. — 1988. — № 1. — С. 198—200.
3. *Габдуллина В. И.* Об одной параллели : тема Христа и Великого инквизитора в романе В. Тендрякова «Покушение на миражи» / В. И. Габдуллина // Культура и текст. — 1997. — № 1. — С. 118—120.
4. *Гиршман М. М.* Литературное произведение : Теория и практика анализа / М. М. Гиршман. — Москва : Высшая школа, 1991. — 159 с. — ISBN 5-06-001843-1.
5. *Еремеев А. Э.* Русская философская проза (1820—1830-е гг.) / А. Э. Еремеев. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. — 188 с.

6. *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. — 3-е изд. — Москва : Флинта ; Наука, 2000. — 246 с. — ISBN 5-89349-049-5.
7. *Женщина и Россия* : Альманах женщинам о женщинах. — Paris : Des Femmes, 1980. — Выпуск 1. — 143 с. — ISBN 2-7210-0195-7.
8. *Исакова И. Н.* Литературный персонаж как система номинаций : Монография / И. Н. Исакова. — Москва : МАКС Пресс, 2011. — 519 с. — ISBN 978-5-317-03800-7.
9. *Косяков Г. В.* Художественная онтология бессмертия в русской романтической лирике : Монография / Г. В. Косяков. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. — 179 с. — ISBN 978-5-8268-0974-7.
10. *Лихачёв Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачёв ; [сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. — 538 с. — ISBN 978-5-7621-0821-8.
11. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.
12. *Наумова Е. Е.* Легенда об Агасфере и особенности интерпретации образа в немецкоязычной литературе XVIII—XIX веков / Е. Е. Наумова // Филологические науки в МГИМО. — 2017. — № 12. — С. 109—119.
13. *Никольский Е. В.* Об одном незавершённом замысле А. С. Пушкина (обращение к образу Вечного жиды) / Е. В. Никольский // *Libri Magistri*. — 2017. — № 4. — С. 56—64.
14. *Пестерев В. А.* Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия / В. А. Пестерев. — Волгоград : Издательство ВолГУ, 1999. — 312 с. — ISBN 5-85534-202-6.
15. *Петров В. Б.* Страсти о ближнем, или проблемы нравственного воспитания (на материале романа В. Тендрякова «Покушение на миражи») / В. Б. Петров // Мир науки. Педагогика и психология. — 2018. — Т. 6. — № 4. — С. 22.
16. *Петров В. Б.* Философия истории в романе В. Тендрякова «Покушение на миражи» / В. Б. Петров // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 5.
17. *Поддубная Р.* Традиции философского романа Достоевского в «Покушении на миражи» В. Тендрякова / Р. Поддубная // *Studia Rossica Posnaniensia*. — 1993. — Т. 23. — № 1. — С. 61—74.
18. *Симаков Г. В.* За яростных, за непокорных... История песни «Бригантина» / Г. В. Симаков // Люди и песни. — 2007. — № 4 (18). — С. 36—39.
19. *Супа В.* Евангельский текст в современном русском романе («Покушение на миражи» В. Тендрякова и «Пирамида» Л. Леонова) / В. Супа // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 500—508.
20. *Сухих О. С.* «Вопросы духа» в «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского и романе «Покушение на миражи» В. Ф. Тендрякова / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 2. — С. 231—235.
21. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — Москва : Агар, 2000. — 280 с.
22. *Шустер В. Г.* Художественная концепция личности в творчестве В. Ф. Тендрякова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. Г. Шустер. — Армавир, 2008. — 192 с.
23. *Józwiak M.* «The Apostle of the Apostles», Prostitute or Penitent? A Typology of Mary Magdalene in the Homilies of Gregory the Great / M. Józwiak // *Verbum Vitae*. — 2024. — Vol. 42. — Is. 4. — Pp. 871—886.

24. *Isbouts J. P.* Mary Magdalene probably wasn't a prostitute. Was she actually rich? / J. P. Isbouts // *National Geographic*. — 2025. — Apr. 16. — Access mode : <https://www.nationalgeographic.com/history/article/was-mary-magdalene-a-rich-woman> (accessed 28.04.2026).

25. *Richards A.* How to read a page : A course in efficient reading, with an introduction to a hundred great words / A. Richards. — Boston : Beacon Press, 1959. — 246 p.

26. *Shneidman N. N.* Soviet Schools and Society in the Prose of Vladimir Tendryakov / N. N. Shneidman // *Journal of Ukrainian Studies*. — 1989. — Vol. 14. — № 1. — P. 249.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2025,
одобрена после рецензирования 04.05.2026,
подготовлена к публикации 09.06.2026.*

Material resources

Bunin, I. A. (1967). *Collected Works in nine volumes, 9*. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 622 p. (In Russ.).

Lermontov, M. Y. (1986). *Collected works in four volumes, 1*. Moscow: Pravda. 382 p. (In Russ.).

Tendryakov, V. F. (1989). *The attempt on mirages: A Novel*. Moscow: Sovremennik Publ. 220 p. ISBN 5-270-00069-3. (In Russ.).

The Bible: the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. (2000). Moscow: Russian Bible Society. 1338 p. ISBN 5-85524-028-2. (In Russ.).

Vysotsky, V. S. (2011). *Collected works in one volume*. Moscow: Alpha-book. 813 p. ISBN 978-5-9922-0733-0. (In Russ.).

References

Agenosov, V. V. (1988). *The Soviet philosophical novel: Genesis. Problematics and typology*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).

Bartashevich, L. (1988). Mirages and reality. *October, 1*: 198—200. (In Russ.).

Eremeev, A. E. (1989). *Russian philosophical prose (1820—1830s)*. Tomsk: Publishing House Vol. University. 188 p. (In Russ.).

Fateeva, N. A. (2000). *Counterpoint of intertextuality, or intertext in the world of texts*. Moscow: Agar Publ. 280 p. (In Russ.).

Gabdullina, V. I. (1997). On one parallel: the theme of Christ and the Grand Inquisitor in V. Tendryakov's novel "The Attempt on Mirages". *Culture and text, 1*: 118—120. (In Russ.).

Girshman, M. M. (1991). *Literary work: Theory and practice of analysis*. Moscow: Higher School. 159 p. ISBN 5-06-001843-1. (In Russ.).

Isakova, I. N. (2011). *Literary character as a system of nominations: A monograph*. Moscow: MAKS Press. 519 p. ISBN 978-5-317-03800-7. (In Russ.).

Isbouts, J. P. (2025). Mary Magdalene probably wasn't a prostitute. Was she actually rich? *National Geographic*. Available at: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/was-mary-magdalene-a-rich-woman> (accessed 28.04.2026).

Jóźwiak, M. (2024). «The Apostle of the Apostles», Prostitute or Penitent? A Typology of Mary Magdalene in the Homilies of Gregory the Great. *Verbum Vitae, 42 (4)*: 871—886.

Kosyakov, G. V. (2007). *Artistic ontology of immortality in Russian romantic lyrics: A monograph*. Omsk: Publishing House of OmGPU. 179 p. ISBN 978-5-8268-0974-7. (In Russ.).

- Likhachev, D. S. (2015). *Selected works on Russian and world culture*. Saint Petersburg: SPbGUP. 538 p. ISBN 978-5-7621-0821-8. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskustvo Publ. 384 p. (In Russ.).
- Naumova, E. E. (2017). The legend of Ahasuerus and the peculiarities of interpretation of the image in German-language literature of the XVIII—XIX centuries. *Philological Sciences at MGIMO*, 12: 109—119. (In Russ.).
- Nikolsky, E. V. (2017). On one unfinished idea of A. S. Pushkin (appeal to the image of the Eternal Jew). *Libri Magistri*, 4: 56—64. (In Russ.).
- Pesterev, V. A. (1999). *Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the 20th century*. Volgograd: Volga Publishing House. 312 p. ISBN 5-85534-202-6. (In Russ.).
- Petrov, V. B. (2018). Passions about one's neighbor, or problems of moral education (based on V. Tendryakov's novel "The Attempt on Mirages"). *The World of Science. Pedagogy and psychology*, 6 (4): S. 22. (In Russ.).
- Petrov, V. B. (2018). Philosophy of history in V. Tendryakov's novel "The Attempt on Mirages". *The World of Science. Sociology, philology, cultural studies*, 9 (3): P. 5. (In Russ.).
- Poddubnaya, R. (1993). Traditions of Dostoevsky's philosophical novel in The Attempt on Mirages by V. Tendryakov. *Studia Rossica Posnaniensia*, 23 (1): 61—74. (In Russ.).
- Richards, A. (1959). *How to read a page: A course in efficient reading, with an introduction to a hundred great words*. Boston: Beacon Press. 246 p.
- Shneidma, N. N. (1989). Soviet Schools and Society in the Prose of Vladimir Tendryakov. *Journal of Ukrainian Studies*, 14 (1): P. 249.
- Shuster, V. G. (2008). *The artistic concept of personality in the work of V. F. Tendryakov*. PhD Diss. Armavir. 192 p. (In Russ.).
- Simakov, G. V. (2007). For the furious, for the rebellious... The history of the song "Brigantine". *People and songs*, 4 (18): 36—39. (In Russ.).
- Sukhoi, O. S. (2009). "Questions of the Spirit" in the Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky and the novel Attempt on Mirages by V. F. Tendryakov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2: 231—235. (In Russ.).
- Supa, V. (2001). The Gospel text in the modern Russian novel ("The Attempt on Mirages" by V. Tendryakov and "The Pyramid" by L. Leonov). *Problems of historical Poetics*, 6: 500—508. (In Russ.).
- Woman and Russia: An almanac for women about women*, 1. (1980). Paris: Des Femmes. 143 p. ISBN 2-7210-0195-7. (In Russ.).
- Yesin, A. B. (2000). *Principles and techniques of literary work analysis*. Moscow: Flinta; Nauka. 246 p. ISBN 5-89349-049-5. (In Russ.).

*The article was submitted 20.11.2025;
approved after reviewing 04.05.2026;
accepted for publication 09.06.2026.*